

Радостный дождь весенней ночью

Вернувшись в свой маленький дворик, Сун Цяньцзи первым делом достал из сумки для хранения лотосовый лист и вместе с корнями и илом поместил его в глиняный чан под карнизом. Ила оказалось недостаточно, и он решил, что в следующий раз отправится к озеру Яогуан один, без Мэн Хэцзэ, глубокой ночью, чтобы избежать толпы. Впрочем, замоченные им семена лотоса ещё не проросли, так что дело не требовало спешки.

При свете ясной луны он осторожно ходил между грядками, время от времени приседая и касаясь земли, чтобы ощутить жизненную силу растений и понять, какое из них нуждается в поливе, какое — в рыхлении, а какому требуется тепло.

Мэн Хэцзэ тем временем на кухне сварил небольшую миску лапши в кислом супе, чтобы старший брат Сун мог перекусить на ночь. Можно было день не поработать, но нельзя было день не готовить лапшу. Освежающий кислый бульон, приправленный мелко нарезанным зелёным луком и кубиками редьки, дымился в ночной прохладе. Поставив миску на стол, Мэн Хэцзэ увидел, что Сун Цяньцзи обтёсывает бамбуковые планки.

— Старший брат, что ты делаешь?

— Укрепляю опоры для цветов, чтобы выдержали ветер и дождь.

Мэн Хэцзэ поднял голову. Яркая луна, ясные звёзды — ночь обещала быть погожей.

— Разве сегодня ночью будет дождь?

— Когда-нибудь да будет.

«Что ж, готовиться к дождю заранее — в этом есть смысл», — подумал Мэн Хэцзэ.

Сун Цяньцзи, съев лапшу, принялся обвязывать расшатанные места на каждой опоре верёвками и бамбуковыми планками.

— Я только сегодня заметил, — с радостью сказал Мэн Хэцзэ, — что разноуровневые опоры для цветов выглядят лучше всего. Если бы они все были одинаковой высоты, было бы не так интересно.

— Дело не в красоте, — ответил Сун Цяньцзи. — Слишком высоко — цветам не хватит сил оплести всю опору; слишком низко — опоры не хватит цветам. У каждого растения есть своя идеальная высота для роста.

Мэн Хэцзэ потёр затылок и последовал за Сун Цяньцзи, желая помочь. Но движения того, хоть и были неспешными, подчинялись особому ритму, словно сливаясь со светом луны, с ночным ветром, с цветами и овощами, что наполняли сад. Он, чужак, не мог вписаться в этот ритм, не мог найти, куда приложить руку. Простая опора для цветов казалась ему неприступной крепостью, сложной, как поле битвы.

К счастью, Мэн Хэцзэ был сообразителен. Он инстинктивно начал наблюдать. Наблюдать за каждым движением Сун Цяньцзи, за каждым его вдохом. И вдруг ощутил невыразимую точность и плавность, почувствовал, что драгоценные сокровища, которые он держал в руках, потеряли всякую важность.

«После возвращения с озера Яогуан, — подумал он, — а точнее, после того как он услышал о духовном источнике школы Даянь, старший брат Сун словно стал другим».

Сун Цяньцзи, закончив с грубой работой в поле, взял влажное полотенце, приготовленное Мэн Хэцзэ, и вытер руки.

Он откинулся в кресле, глядя на буйную зелень в лунном свете, слушая стрекот насекомых в траве у стены, и удовлетворённо вздохнул.

Затем он замер в этой позе, с тем же дыханием, и больше не двигался.

— Старший брат, будешь чай? — спросил Мэн Хэцзэ.

— Нет.

— Что ты сейчас делаешь, старший брат?

— Жду.

— Кого?

— Весенний дождь, — Сун Цяньцзи, откинувшись в кресле, улыбался глазами, словно ждал старого друга. — Если тебе нечем заняться, подожди со мной.

Мэн Хэцзэ подумал о том, что он сам стоит на пороге прорыва. Его меридианы были полны, как реки в половодье, и дальнейшее совершенствование было бесполезно — оставалось только ждать.

Но чего ждал старший брат Сун?

Дождь пойдёт, когда ему положено. А когда небеса не желают, хоть молись, хоть пляши с бубном — не пойдёт. Кто же станет сидеть и просто ждать?

Если бы это был кто-то другой, а не Сун Цяньци, он бы счёл его сумасшедшим.

Но сейчас он подобрал полы одежды, сел в позу лотоса у кресла того человека и стал вслушиваться в ритм его дыхания.

Ночь становилась глубже, ветер — сильнее. Он развевал его собранные в высокий хвост волосы, щекоча лицо.

Он услышал голос Сун Цяньци:

— У любого совершенствующегося в миг прорыва есть шанс поговорить с Небом и Землёй. Даже при переходе от Переработки Ци к Созданию Основы. Правда, этот миг очень короток, всего лишь одна десятиллионная доля мгновения.

Сам того не заметив, Мэн Хэцзэ, увлечённый ритмом дыхания сидящего рядом, погрузился в медитацию и забыл, где находится.

Он почувствовал, как замедляется ток крови в его теле. Духовная энергия текла по меридианам, словно полноводные реки, отчего те немного побаливали.

Его сознание устремилось в пурпурную обитель, окружённую сотнями рек, и он почувствовал, что задыхается.

Словно он заперт в комнате без окон, душной и тесной.

«Чего ты хочешь?» — внезапно спросил голос.

«Слишком душно, я хочу дышать полной грудью, кричать во весь голос».

«Я хочу дождя! Освежающего, безудержного, сильного дождя!»

Сильный ветер пронёсся над землёй, густые облака сгустились в ночном небе, заслонив лунный свет.

Цветы и листья во дворике затрепетали, опоры заскрипели, закачались, но выстояли.

Вспыхнула молния. Мэн Хэцзэ почувствовал, как кто-то легонько подтолкнул его в плечо:

— Иди.

В тот же миг могучая духовная энергия Неба и Земли хлынула вниз, образовав невидимую воронку над его головой, промывая и расширяя каждый меридиан, пробивая путь сквозь горы и камни, и, наконец, бурным потоком влилась в его пурпурную обитель.

Бум!

В небе прогремел гром!

Мэн Хэцзэ резко открыл глаза.

Он коснулся холодных капель на щеках, слегка ошеломлённый.

Он вернулся в мир людей.

Что это падает? Тысячи серебряных нитей сыпались с небес, несомые ветром, окутывая цветы и травы, маленький дворик, Небо и Землю.

Что это за звук? Бесчисленные капли воды плясали на листьях, издавая частый и звонкий стук. Ударяясь о кирпичи и черепицу стен, они отзывались иным, глухим эхом.

Не вдруг не узнавал то, что видел перед собой.

— Дождь пошёл, — раздался над головой знакомый голос.

Дождь? Да, это дождь!

Мэн Хэцзэ вскочил, крича, словно новорождённый младенец, впервые увидевший и ощутивший ветер и дождь. Он протянул руки, ловя струи, и закричал:

— Старший брат Сун, и правда пошёл дождь!

Он даже забыл, что только что совершил прорыв.

— Ага. Возвращайся, — Сун Цяньцзи встал. Он был в отличном настроении.

Дождь — это небесная жизненная сила. Этот весенний дождь принёс жизнь тысячам живых существ. Он не только помог Мэн Хэцзэ совершить прорыв, но и позволил самому Сун Цяньцзи прояснить идею техники, которую он создавал.

«Как же назвать эту технику? Пожалуй, назову её „Радостный дождь весенней ночью“».

Великая река течёт на восток, а благая ночь дарует дождь.

***

На рассвете Сун Цяньцзи вышел из своей хижины и слегка прищурился от яркого солнечного света.

Утреннее солнце пробилось сквозь облака. Лепестки глицинии осыпались на землю, но на их месте распустились новые. Цвёл весь сад.

Овощи были покрыты сверкающими каплями воды. Сун Цяньцзи с радостью шёл между грядками.

Цветы баклажана цвели скромно, и ему пришлось раздвинуть листья, чтобы увидеть фиолетовые бутоны, стыдливо прячущиеся и лишь склоняющие головы под утренним ветерком.

Цветы огурцов, напротив, цвели буйно. Ярко-жёлтые, ослепительные, они гордо выпрямлялись, независимо от того, завязался ли под ними плод. Их стебельки были покрыты тонким пушком, который щекотал и покалывал ладонь, словно ласкался пушистый духовный зверь.

«Днём Мэн Хэцзэ приготовит из них салат, получится отличное блюдо».

Сун Цяньцзи вышел с огорода и толкнул алые ворота своего двора.

За воротами красивее всего цвела фасоль. Её цветы, переходящие от тёмно-фиолетового в центре к светлому по краям, были похожи на маленьких бабочек.

Сун Цяньцзи, боясь спугнуть их, осторожно протянул руку и коснулся одного цветка.

Именно в этот момент ударили колокола и барабаны.

За стенами двора, среди гор, разнеслась торжественная даосская музыка.

Вся школа Хуавэй наполнилась небесными звуками.

Ученики внешней школы выбегали из своих жилищ, в изумлении глядя на небо. Пустое пространство перед общежитиями заполнилось людьми.

Утренние облака залили небо румянцем, благоприятные знамения окрасили его в радужные цвета. В облаках мелькнула тень величественной башни, отбрасывая на землю огромную тень.

Сун Цяньцзи почувствовал, как в груди что-то дрогнуло. Неужели прибыл Мудрец каллиграфии?

— Старший брат Сун!

Мэн Хэцзэ, который простоял всю ночь под дождём у ворот, увидел выходящего Сун Цяньцзи и быстро подошёл к нему.

Совершенствующийся на ступени Создания Основы мог легко защититься от ветра, дождя, холода и жары, потратив немного духовной энергии, но прошлой ночью он хотел промокнуть до нитки.

Ученики, смотревшие на облака, случайно бросили взгляд в его сторону и удивлённо воскликнули:

— Старший брат Мэн совершил прорыв!

Толпа мгновенно хлынула к ним, и через несколько мгновений Мэн Хэцзэ оказался погребён под людским морем у ворот Двора Суна.

— Поздравляем, старший брат Мэн!

— Невероятно, в нашей внешней школе тоже появился совершенствующийся ступени Создания Основы!

В ту ночь, когда Мэн Хэцзэ совершал прорыв, у него не было ни пилюль для успокоения духа, ни формаций для сбора энергии. Никто из старших наставников не охранял его, и он не использовал ни единого талисмана для вскармливания ци.

Если бы он рассказал об этом, никто бы не поверил.

Более того, он не просто с трудом совершил прорыв, а заложил чрезвычайно прочную основу. Каждый его меридиан, подобно корням дерева, насытившимся дождём, был ничуть не слабее, чем у прямых учеников школы Хуавэй.

Он знал, что это Сун Цяньцзи помог ему прошлой ночью, но не понимал, как тому это удалось.

Новость о прорыве Мэн Хэцзэ разлетелась мгновенно, как весенний ветер разносит степной

пожар, и облетела всю внешнюю школу.

Если бы это случилось раньше, остальные, поздравив его, непременно бы втайне позавидовали.

Однако в последнее время отношения между внешней и внутренней школами день ото дня ухудшались, переходя от эксплуатации к открытой вражде. Зал Дьяконов, чтобы проучить учеников внешней школы, давал им всё более тяжёлые и невыносимые задания. Они даже дважды устраивали коллективные забастовки.

Зал Дьяконов пытался разобщить их, подкупая Чжоу Сяюнь и других, обещая им ресурсы для совершенствования. Но ученики уже осознали преимущества единства и больше не поддавались на уловки.

К сожалению, их уровень развития был низок, большинство находилось лишь на начальной стадии Переработки Ци, и им не хватало сил для настоящего сопротивления.

Прорыв Мэн Хэцзэ в этот момент стал для них якорем спасения, принесся радость и воодушевление.

«Даже без ресурсов внутренней школы, если усердно заниматься, можно прорваться на ступень Создания Основы».

«У меня нет такого таланта и понимания, как у старшего брата Мэна, но достичь пика Переработки Ци я точно смогу».

Мэн Хэцзэ, окружённый похвалами и поздравлениями, всё ещё был немного растерян.

— Всем этим я обязан наставлениям старшего брата Суна. Сун...

Он поднял голову, чтобы посмотреть, но Сун Цяньцзи уже закрыл ворота и вернулся к своей земле.

***

Рассвет над морем облаков.

Летающая Облачная Башня опустилась из-за облаков. Двенадцатиэтажная, высокая, как гора, она легко и плавно приземлилась перед самым большим гостевым дворцом школы Хуавэй.

Школа Хуавэй была готова. Глава школы Сюйюнь во главе с владыками пиков и старейшинами стоял на площади перед дворцом в ожидании.

Каждая черепица на крыше дворца была очищена с помощью заклинаний и теперь сияла золотом в лучах утреннего солнца.

Каждый пятицветный карп в море облаков был накормлен прошлой ночью, чтобы сейчас резвиться и играть в облаках.

Как только башня коснулась земли, зазвучала торжественная ритуальная музыка, эхом разносясь по всей школе Хуавэй, заставляя горы вибрировать в унисон.

— В молодости я любил шум и веселье, а теперь, в старости, нахожу это несколько утомительным, — тихо вздохнул Мудрец каллиграфии, сидя на самом верхнем этаже башни.

На столе перед ним не было ни курильницы, ни свитков, лежал лишь один талисман для вскармливания ци. Рядом с ним, вместо многочисленных мастеров академии, находился лишь ректор Академии «Зелёный Утёс».

И ещё двенадцать странно одетых людей.

Среди них были мужчины и женщины, высокие и низкие, толстые и худые. Один мужчина был одет в красное и зелёное, с головы до ног увешанный драгоценностями; одна женщина была широкоплеча и могуча. Они совершенно не вписывались в торжественную атмосферу Летающей Облачной Башни и выглядели так, словно только что закрыли свои лавки на городском рынке и поспешили сюда, чтобы прислуживать Мудрецу.

Это были хозяева и приказчики шести «чёрных лавок».

— Если вам не по нраву, ученик спустится и прикажет им разойтись! — услышав громкую музыку снаружи, сказал ректор.

— Как можно, приехав в гости, не встретиться с хозяевами? — покачал головой Мудрец. — Этикет нужно соблюдать.

— Да, — поклонился ректор.

Мудрец каллиграфии удовлетворённо кивнул, открыл окно, высунул голову и крикнул:

— Всем доброго утра!

Собравшиеся перед дворцом, внезапно услышав голос с небес, словно услышали глас бессмертного, и вздрогнули всем телом.

Ритуальная музыка мгновенно оборвалась. Все сосредоточились, наострив уши в ожидании наставлений великого мастера, надеясь постичь истинный смысл и извлечь для себя пользу. Но вторая фраза всё не следовала. Пришлось всем посмотреть на главу школы Сюйюня.

Мудрец повернул голову и пробормотал ректору:

— Почему они мне не отвечают?

Истинный Сюйюнь тоже был в растерянности. Он задрал голову и, глядя на высокую башню, ответил:

— И вам доброго утра...

Мудрец каллиграфии с улыбкой помахал рукой:

— Хорошо. Не будем вас утруждать, до следующей встречи.

Сказав это, он с грохотом захлопнул окно.

Стоявшие внизу совершенствующиеся переглянулись, гадая, не скрыт ли в этих двух фразах какой-то глубокий смысл. На какой благоприятный день назначена «следующая встреча»? Что это могло значить?

Главный дьякон Чжао Юйпин, скрепя сердце, обратился за указаниями:

— Первая часть ритуальной музыки ещё не доиграна, цветы не рассыпаны, шёлковые ленты не развёрнуты, впереди ещё шесть пунктов программы, что теперь...

Теперь всё кончено? Видя недовольство на лице главы школы, он не договорил.

Сюйюнь молчал. Его взгляд скользнул с Летающей Облачной Башни в сторону задней горы и, наконец, он тяжело вздохнул:

— Расходитесь.

— Всё-таки у вас есть свои методы, — улыбнулся ректор.

Сяо Чжо, приказчик из ломбарда, стоял в недоумении.

«И это называется „соблюсти этикет“? Это вообще разумно или нет?»

Но он должен был признать, что это был простой способ. Если бы только и текущее дело можно было решить так же просто.

— Продолжай, — сказал Мудрец каллиграфии.

Атмосфера снова стала непринуждённой. Лавочник из ломбарда шагнул вперёд:

— Наши люди тайно обыскали весь город Хуавэй, но не нашли никого, чья манера письма или стиль написания талисманов совпадали бы с искомым.

Он не понимал этого. Тот человек писал талисманы с такой лёгкостью и мастерством, что явно должен был часто практиковаться, однако его работ нет в продаже. Раз он так беден, почему не пишет талисманы на продажу ради духовных камней? Неужели ему не нужны ресурсы для совершенствования?

Если бы они искали открыто, с портретом в руках, найти его было бы проще простого. Но, судя по намерениям Мудреца каллиграфии, его почтенство пока не желал, чтобы другие узнали об этих поисках, и тем более не хотел, чтобы об этом догадался сам разыскиваемый.

— Разве он не купил цитру? — подал голос мужчина, одетый в пёстрые наряды. — Вы же должны знать, кому продали инструмент. Что сложного в том, чтобы найти его по следу?

— Лавочник Хуа, — ответил Сяо Чжо, — я сам мастерил эти цитры и, конечно, узнаю свою работу. Но сейчас в городе Хуавэй десятки тысяч «Сцен зелёной ряби». Из-за Собрания «Достичь известности» сюда съехалось множество музыкантов, желающих получить совет от феи Мяо Янь. Это всё равно что искать иголку в стоге сена!

Высокая, широкоплечая женщина пробасила:

— Он ведь пришёл в ломбард заложить меч, чтобы купить цитру? Дайте мне взглянуть на этот меч!

— Я бегло осмотрел его, — ответил лавочник из ломбарда. — Это был обычный низкоуровневый потрёпанный клинок. Кузнец Чжан, я знаю, что ты можешь по материалу и следам использования определить происхождение владельца, но меча уже нет.

— Как это «нет»?

— Его купил Вэй Пин, — вздохнул лавочник.

Все замерли в изумлении.

— Опять Вэй Пин! — не выдержал помощник из рисовой лавки. — Почему он лезет в каждую дыру!

Мудрец каллиграфии расхохотался. Остальным было не до смеха. Неужели этот юный мастер талисманов так и останется ненайденным?

Они невольно подумали о том, как расстроится Мудрец каллиграфии, если проделает такой долгий путь впустую. Ведь Мудрец уже далеко не молод.

— Не спешите. Я хорошенько припомнил: когда тот юноша зашёл в лавку, у него на воротах был приколот красный бумажный журавлик. У меня нет вещественных доказательств, я полагаюсь лишь на память, и если я ошибся и мы нашли не того человека...

— Ничего страшного, говори, — махнул рукой Мудрец.

— Этот журавлик — талисман. В своё время глава Сюйюнь попросил одного из наших мастеров из академии изготовить особую партию, и пользуется ими только его единственная дочь, Чэнь Хунчжу. Он служит и для слежения, и для передачи вестей. Чэнь Хунчжу с детства росла капризной и избалованной, вечно попадала в неприятности, и Сюйюнь боялся, что не успеет прийти ей на помощь, поэтому заставил её носить их с собой.

Лавочник заметил удивлённые взгляды и с оттенком гордости добавил:

— И такой талисман Чэнь Хунчжу подарила лишь одному человеку!

— И ты ещё смеешь тянуть время перед святым человеком! — шутливо выругался свирепого вида мясник.

— Не смею! Чэнь Хунчжу подарила его ученику внешней школы по имени Сун Цяньцзи. Я слышал, как патрульные ученики судачили, будто он очень красив, поэтому старшая госпожа Чэнь и подарила ему талисман, чтобы он мог беспрепятственно повсюду ходить! Но этот Сун Цяньцзи не мастер талисманов, никто никогда не видел, чтобы он их писал. Так что я не могу быть уверен.

— А этот Сун Цяньцзи — личность известная, — улыбнулся ректор. — Если это действительно он, то всё становится проще! Вчера этот человек на озере Яогуан сорвал цветок с волос Фэн Цзыи. Говорят, личный духовный зверь девчонки из семьи Фэн — это белоснежный тигр с аномальным пламенем, редкий зверь столетия. Смелый юноша.

Лавочница из косметической лавки озадаченно спросила:

— Он заложил меч ради цитры, чтобы подарить её девушке-практику. Но Чэнь Хунчжу никогда не играла на цитре, а Фэн Цзыи — и подавно! Кому же он её подарил?

— Стоит ли спрашивать? Конечно, другой девушке, что играет на цитре! — внезапно подал голос Мудрец каллиграфии. Он поднял со стола талисман «Бессовестный торгаш», и с шуршанием потряс им в воздухе.

— Негодник. Разбазаривает талант, тратит время впустую! Вместо того чтобы практиковаться дома, писать талисманы и упражняться в каллиграфии в свои лучшие годы, он только и делает, что увивается за юбками и ищет неприятности!

Однако его тон не был по-настоящему гневным. Скорее это походило на ворчание деда на собственного внука. Ректор подумал, что это большая редкость: сколько учеников в академии мечтают, чтобы мастер их хоть раз отчитал, но так и не достаиваются такой чести.

«Ругаете его на словах, а в душе небось думаете, что он похож на вас в молодости», — подумал Сяо Чжо.

Юный помощник на самом деле не понимал, что такое «многогранность чувств». Ректор как-то раз со смехом говорил о тех, кто из кожи вон лезет, ища удачу:

— Они всерьёз полагают, что стоит написать пару слезливых стишков, нарисовать несколько портретов красавиц и пофлиртовать с девушками-практиками, как они тут же станут «многогранными натурами»? Жалкое притворство, словно пытаются нарисовать тигра, а выходит собака. Господину это только претит.

Он спрашивал об этом самого Мудреца, и святой ответил:

— Многогранность чувств — это не ветреность и непостоянство. Нужно обладать достаточно глубоким и полным сочувствием к этому миру, чтобы оно переполняло тебя, изливаясь с кончика кисти и ложась на бумагу живыми иероглифами. Если в них есть жизнь, не обязательно, чтобы каждый штрих был безупречен и каждое слово — выверено. То, сколько чувств на самом деле в твоём сердце, истинны они или ложны — на словах можно обмануть других, но когда кисть коснётся бумаги, себя уже не обманешь!

Ректор произнёс:

— Похоже, вы им весьма довольны.

Мудрец покачал головой:

— Рановато. За Вэй Пином я наблюдал целый год, а этого нельзя судить по трём дням. Мне нужно испытать его.

— Хотите увидеть его на испытании каллиграфии и живописи?

— Нет, этот талисман я уже видел. Я хочу увидеть то, чего не разглядеть на бумаге. То, что я ему дам — будет его, но если он решит забрать это силой — значит, не суждено нам встретиться!

Затем Мудрец каллиграфии изложил свой замысел. Это было испытание, хитрость, причём многоходовая. Когда он договорил, на лицах присутствующих невольно отразилось сочувствие. Разве может хоть один практик на пути к бессмертию устоять перед подобным искушением? А тот человек — всего лишь юноша, а не святой.

С другой стороны, разве мало они видели за эти годы, как великие кланы строят козни, разыгрывают спектакли и используют любые средства, чтобы проложить путь своим наследникам? Истинное золото не боится огня. Сун Цяньцзи — ржавое железо или настоящий самородок, покажет испытание.

Сяо Чжо кивнул, а сам подумал: «Вы и правда старый опытный рыбак с берега Чернильного пруда! Даже если в пруду совсем нет рыбы, вы всё равно не выпустите из рук удочку!»

Мудрец, словно прочитав их мысли, улыбнулся:

— Слишком часто я видел тех, кто гонится за пустой славой и строит из себя праведников. Моя осторожность оправдана. Ступайте. Ателье готовит реквизит. Лавочник Хуа из косметической лавки, ты займёшься своим привычным делом. Остальные — будьте наготове!

— Слушаемся!

Отдав распоряжения, Мудрец каллиграфии встал и принялся рассказывать по комнате. Он подошёл к окну, вглядываясь в горные пейзажи. Повсюду в школе Хуавэй кипела жизнь и царило весеннее оживление, и лишь на задней горе по-прежнему царило безмолвие.

— Тот демон ци уже здесь? — спросил Мудрец.

— Слышал, вчера вечером прибыл на заднюю гору. В обители Пурпурных Облаков не стали поднимать шума. Кроме нас и главы школы Хуавэй об этом никто не знает, — ответил ректор.

Мудрец каллиграфии холодно хмыкнул.

— Он притащился следом, только чтобы прийти на всё готовенькое! Старый бесстыдник!

В башне воцарилась тишина, лица присутствующих стали серьёзными.

— Этого человека первым нашёл я. И если он посмеет снова соперничать со мной... — Мудрец вспомнил прошлогоднюю историю с Вэй Пином и ледяным тоном добавил: — Я вылью на его

шахматную доску весь Пруд с тушью.

<http://bllate.org/book/16982/1587594>